

Супруги-охотники переглянулись и тяжело вздохнули. Поняв, что его намерения непреклонны и отговаривать бесполезно, они перестали уговаривать парня, отыскиали для него пару старых соломенных лаптей и несколько ветхих тряпичных рубищ в заплатках, чтобы он переоделся и хоть немного прикрыл тело от холода.

– Эти лапши старые не старые, а всё лучше, чем босиком, – протянул охотник одежду и обувь. – Береги себя в дороге, сынок. В смутные времена надейся только на себя.

Жена охотника сунула ему в руки полмешка сушеных овощей и со слезами на глазах наказала:

– В дороге ешь впроголодь, а встретишь людей — проси подавание, не мори себя голодом через силу.

Цзян Цзыя низко поклонился и с глубокой благодарностью произнес:

– Огромное спасибо за спасение жизни и дары! Наступит мир на земле — непременно отблагодарю за сегодняшнюю помощь.

Охотник торопливо замахал рукой:

– Пустяковое дело, какая тут благодарность! Лишь бы ты добрался целым туда, куда задумал.

Переобувшись в лапти, он почувствовал, что те по-прежнему натирают ноги, но всё же идти в них было в разы легче, чем босиком. Облачившись в старое платье, способное хоть немного защитить от пронизывающего ветра, Цзян Цзыя отдохнул полдня, попрощался и вновь ступил на дорогу, ведущую на запад.

Супруги-охотники стояли у деревенской околицы и долго смотрели вслед его одинокой фигуре, пока она не скрылась в глубокой горной чащобе. Они тяжело вздыхали, полные искреннего уважения и жалости к юноше.

– У этого ребенка невероятно крепкий дух, – пробормотала женщина. – В будущем он явно не станет простым смертным...

Охотник тихо вздохнул:

– Лишь бы небеса были милостивы и не дали ему погибнуть на полпути.

На всем пути на запад Цзян Цзыя повидал все личины человеческие и нагляделся на бедствия смутного времени: чиновники тирана Чжоу безжалостно грабили народ, отнимая зерно и хватая здоровых мужчин для каторги, крестьяне бросали родные места, превращаясь в беженцев, а по дорогам валялись трупы умерших от голода; сильные мира сего и злодеи

захватывали земли и притесняли народ, где закон джунглей царил повсюду, делая жизнь невыносимой; нищие крестьяне продавали собственных сыновей и дочерей, менялись детьми ради пропитания, и повсюду разносился их плач. Горные цепи и реки пустовали, поля растрескались от засухи, народное хозяйство пришло в полный упадок, а в самом воздухе витали тоска, зловещая убийственность и хаос.

Он вглядывался в потоки ци и постигал человеческие сердца, видя, как угнетают праведников и процветают негодяи, как унижают верных и возвышаются подлецы, как рыдают слабые и бесчинствуют сильные. Все лики мира, тысячекратные страдания — всё это отражалось на дне его глаз и навеки запечатлевалось в его сердце.

Но он оставался бесстрастным: ни печали, ни радости, ни трепета, ни гнева, ни жалости.

Не от черствости, а потому, что он прозрел круговорот небесного Дао и причинно-следственные связи смутных времен: всё предопределено свыше, всему свой час. Печалиться бесполезно, гневаться бессмысленно, жалеть глупо — лишь укротив амбиции и скрыв свой клинок, постигая мудрость Дао и отыскивая светлого государя, можно повернуть хаос вспять, утвердить равновесие Поднебесной и принести покой народу.

Сталкиваясь со страданиями крестьян, он помогал им по ходу дела, если мог: указывал, где удача, а где беда, предупреждал об опасностях, но никогда не задерживался подолгу, не хвастался способностями, не принимал благодарностей. Сказав ровно столько, сколько нужно, он разворачивался и уходил, не оставляя ни имени, ни следа.

Встретив нищих скитальцев, он делился с ними скудным зерном; видя бедствия детей, тихо подсказывал им путь к спасению; а когда крестьяне затевали спор, с одного взгляда постигал корень тяжбы и парой мягких слов гасил распрю.

Один отряд беженцев, уходивший целыми семьями, заметив, как он делится зерном, упал на колени и зарыдал:

- Уважаемый юноша, ты добр, спаси нас! Скоро появятся солдаты Шана, а нам некуда бежать!

Цзян Цзыя тихо произвел:

- Укройтесь в южной густой чащобе на три дня — солдаты Шана не найдут вас и уйдут сами. Запомните: ни в коем случае не выходите на большую дорогу.

Какая-то старуха из числа беженцев заголосила:

- В том лесу полно волков и тигров, разве осмелимся мы, старики, женщины и дети, войти туда?

Цзян Цзыя мягко ответил:

– В чащобе опасно, но она милосерднее шанских солдат. Доберетесь до глубоких чаш, найдете горную пещеру — спасете свои семьи.

Беженцы снова и снова били поклоны, проливая слезы благодарности:

– Благодарим тебя, юный учитель, за совет! Великой милости словами не выразить!

Какой-то оборванный мужчина, заметив его невозмутимость, схватил его за одежду и потребовал:

– Эй, парень, раз ты умеешь гадать по лицам, посмотри и мою судьбу — когда мне удастся поесть досыта? Не угадаешь — отберу всё, что у тебя есть!

Цзян Цзыя бросил на него холодный взгляд:

– Твое сердце мятежно, ты привык воровать; в течение трех дней тебя схватят. Будешь вести себя смирно — останешься жив.

Мужчина взбесился:

– Ты смеешь меня проклинять? Нарываешься на драку!

Цзян Цзыя поднял глаза, и в его взгляде проступила тяжелая, пугающая властность:

– Беду накликаешь сам, счастье куешь своими руками. То, что я сказал — не проклятие, а твоя судьба.

Лицо мужчины перекосилось, охваченный гневом и стыдом, он хотел было продолжить, но, натолкнувшись на пронзительный взгляд юноши, не посмел ничего добавить и удалился ни с чем.

Цзян Цзыя относился ко всему равнодушно: на благодарности не зарился, на злые слова не гневался, на грабеж не отвечал яростью, на пренебрежение — обидой. Сердце его напоминало застывшую в веках холодную пучину, чистую от малейшей пылинки, и он неуклонно шагал на запад, ни на шаг не отклоняясь от пути.

Месяц спустя его лапти окончательно истерлись, и он снова пошел босиком. Одежда вновь превратилась в лохмотья, всё тело покрылось переплетенными шрамами от старых и новых ран, фигура стала совсем тощей, но спина распрямилась еще сильнее, взгляд сделался глубже,

а аура — собраннее и сдержаннее. Он прятал тысячи острых клинков в костях и плоти, а великие устремления Поднебесной — в глубине души.

Ему навстречу попался дозорный отряд шанских солдат. В холодных доспехах, с копьями наперевес, они резко окликнули его:

– Мелкий щенок, куда путь держишь в одиночку? Не лазутчик ли ты?

Цзян Цзыя с опущенной головой шагал медленно, голос его звучал бесстрастно:

– Я просто нищий странник, иду на запад искать родню, никакой я не лазутчик.

Командир отряда с ног до головы окинул его взглядом, увидел тхилого оборванца, не представляющего никакой угрозы, и сплюнул:

– Проваливай отсюда, посмеешь еще раз приблизиться — заберу в солдаты!

Один из рядовых поддакнул:

– Командир, давай заберем его в черный хвост, хоть какая-то польза для хозяйства.

Командир отромахнулся:

– Толку с этого доходяги, всё равно подохнет, не выкормишь. Просто прогоните.

Цзян Цзыя отозвался:

– Слушаюсь.

Он шагнул в сторону, пропуская солдат, и продолжил свой путь на запад, не изменив в лице ни на малейшую долю.

Он шел на запад, где небом служил шатер из облаков, а землей — хижина. Питаясь подножным кормом и ночуя под открытым небом, он босой исходил дикие холмы, мелкие речушки, глухие чащобы, разорренные деревни и убогие рынки. Он упорно учился на ходу: звездами служили ему светильники, стебли тысячелистника — кисть, а небо и земля — свиток. Он изучал военное искусство, каноны Дао, астрологию, принципы Инь и Ян, физиогномику, искусство чтения знамений ци и человеческих сердец. Его познания становились всё глубже, а характер — несокрушимее.

Умение читать знамения ци позволяло постигать взлеты и падения судеб Поднебесной.

Чтение сердец позволяло отличать истину от фальши, верность от предательства.

Гадания помогали предсказывать удачу и беду, продвижение и отступление перед лицом Небесной Воли.

Закалка тела учила переносить любые страдания мира.

Этот путь на запад не был бегством или скитанием — это было вопрошание Дао, закалка сердца, утаивание клинка, накопление сил и ожидание нужного часа.

Впереди клубились облака, а гряды горных пиков пронзали небеса — то было начало драконьего пульса Чжунчжоу, срединная гора Суншань.

По слухам, эта гора таила в себе духовную энергию небес и земли, здесь скрывалось множество отшельников высокой добродетели; древние бессмертные и постигшие Дао мудрецы селились в этих местах, не желая знать мирской суеты и смуты, сосредоточившись лишь на постижении первородного Дао. Цзян Цзыя шел, ориентируясь по потокам ци, и когда увидел, что вершины Суншаня окутаны чистыми облаками, а изредка проступающий духовный свет выдает присутствие истинных мудрецов, его решимость в поисках Дао лишь укрепилась. Без промедления он ступил на тропу и начал шаг за шагом каститься вглубь бескрайних горных хребтов.

Горная дорога была крутой и опасной, почти вертикальной, скалы — отвесными и гладкими, без единого выступа для стопы. Горы тонули в густых облаках, сырость пробирала до костей, а ледяной ветер резал кожу, словно нож. Повсюду буйно росли колючие кустарники и густые шипы, разрывая лохмотья и распарывая старые и новые раны. Кровь струилась по рукам и ногам, капая на скалы и траву, но он словно не замечал боли: цепляясь руками за сухие ветки и лианы, ступая босыми ногами по обломкам скал и мху, он продвигался вперед шаг за шагом с величайшим трудом.

В животе давно не осталось ни крошки — те полмешка диких овощей, что подарили охотники, давно закончились, и утолять голод и жажду приходилось свежей горной листвой да соком корней. Из-за многодневного карабка силы были исчерпаны до предела, каждый сустав ныл от адской боли, и любое движение — подъем руки или шаг — отзывалось такой тяжестью, будто на плечах висел валун в тысячу цзиней.

По дороге ему случайно встретился старый лесоруб. Увидев карабкающегося по отвесной скале босого юнца, тот испуганно завопил:

– Эй, паренек! Места здесь гибельные, сорвешься — костей не соберешь, полезай вниз!

Цзян Цзыя, вцепившись в лиану, тихо ответил:

- Не беспокойся, дедушка, младший идет на самую вершину искать учителя и вопрошать Дао. Пусть опасно, но повернуть назад я не смею.

Лесоруб топнул ногой и вздохнул:

- Искать учителя — дело хорошее, но ведь и выжить надо! Что же ты за упрямый мальчишка!

Цзян Цзя лишь слабо улыбнулся:

- Дао впереди, а жизнь позади. Спасибо за доброту, дедушка.

С этими словами он продолжил подъем. Старик глянул ему вслед и принялся качать головой:

- Безумец, чистый безумец!

Несколько раз он срывался, едва не угорнув в бездонную пропасть на верную смерть, но всякий раз мертвой хваткой вцеплялся в лианы, распрямлял спину и не поддавался панике или страху. Ладони от трения о веревки превратились в сплошное кровавое месиво и слились с Бронзовой Предков Печатью, причиняя невыносимую боль, но он лишь закрывал глаза, собирал мысли и настраивал дыхание — и уже через мгновение, успокоив разум, продолжал карабкаться вверх.

В сердце его жила лишь одна мысль: взойти на гору Суншань, отыскать мудреца, постичь великое Дао, обучиться искусству управления государством и спасения простого народа, усмирить смуту, принести покой Поднебесной и вернуть людям мирную жизнь.

Так, не смыкая глаз и не зная отдыха, карабкаясь день и ночь, питаясь листвой и утоляя жажду горным ключом, ночуя в пещерах на утесах и защищаясь от холода лишь силой тела, Цзян Цзя не останавливался ни на единый миг целых семь дней и ночей.

На седьмой день на рассвете лучи солнца пробили облачные заслоны и озарили горные пики. Цзян Цзя наконец преодолел последний участок кручи, изо всех сил оттолкнулся руками и ступил босыми ногами на ровную вершину. Все силы его покинули, колени подогнулись, и он чуть не рухнул на землю, но через силу распрямил спину, вытер пот и кровь с лица и поднял глаза.

Облака на вершине разошлись, подул легкий весенний ветерок, зазеленела трава, зашумели пышные деревья. Под сенью древних кипарисов пряталась скромная хижина, перед которой стоял стол из синего камня и сиденье-пуф. Седовласый старец с бровями, свисающими ниже глаз, обладающий обликом истинного бессмертного, одетый в простое даосское облачение и держащий в руке метелку-фучэнь, сидел с закрытыми глазами в тишине. Дыхание его было мерным и долгим, а аура источала чистую прохладу бессмертного, сливаясь с горами и небом.

При всей своей преклонности старик обладал взглядом столь же чистым и глубоким, как бездна, внушающим невольный трепет. Вокруг него едва заметно струилось духовное сияние — с первого же взгляда было ясно, что это скрывающийся здесь уже целое столетие высокий учитель, достигший великого просветления.

Видя это, Цзян Цзыя проникся глубочайшим уважением. Он торопливо привел в порядок изодранные одежды и, несмотря на грязь и раны, выпрямившись и соблюдая чинный вид, медленно подошел к старцу. На расстоянии нескольких шагов он почтительно сложил руки и низко поклонился.

Старец медленно открыл глаза, и его взгляд упал на Цзян Цзыя. Лишь единого мгновения хватило ему, чтобы разглядеть: у юноши превосходное костное строение и чистейшие духовные корни, на его плечах лежит Небесная Воля Поднебесной, а в сердце горит боль за простой народ. При всей его юности, увечьях, лохмотьях и пережитых испытаниях характер его был тверд, как камень, сердце Дао непоколебимо, а манеры — необыкновенны. Такого ребенка не встретишь среди обычных смертных. В душе старец невольно поразился, но внешне остался совершенно невозмутим. Слегка взмахнув фучэнем, он заговорил. Голос его звучал старчески ровно, но в нем слышалась природная властность, эхом разносящаяся по вершине горы:

– Дитя из низин, ты преодолел неисчислимые опасности, босиком штурмовал мою гору Суншань семь дней и ночей, израненный и изнуренный голодом и холодом, но не изменил своих устремлений. Зачем ты пришел?

Цзян Цзыя почтительно опустил голову, и голос его прозвучал твердо, без унижения и заносчивости:

– Младший ученик Цзян Цзыя, видя беззаконие тирана Шана, охватившую Поднебесную смуту, бегство народа и страдания миллионов людей, не стерпел душевной боли. Поэтому я преодолел тысячи ли пути, идя на запад в поисках Дао, чтобы отыскать человека высокой добродетели и обучиться искусству управления государством и спасения народа, усмирить смуту, успокоить Поднебесную и вернуть людям мир.

Старец слабо улыбнулся:

– Такой сопляк — и смеешь говорить об усмирении смуты и успокоении Поднебесной? Бесчисленные князья и вельможи мира сего не решаются произнести подобное, неужели ты не боишься насмешек над твоей дерзостью?

Цзян Цзыя с серьезным видом ответил:

– Дерзость не в сердце, а в силах. Младший не имеет ни талантов, ни влияния, но владеет сердцем, устремленным к Дао и спасению людей. И пусть против меня будут мириады врагов, я пойду вперед — к чему бояться чужих усмешек?

Старец слегка кивнул, задавая вопросы, нацеленные в самое сердце великого Дао, корней управления государством и народного благополучия. Каждое слово весило тысячу цзиней, испытывая характер юноши, его знания и кругозор:

- Прекрасно сказано — спасение людей! Старик задаст тебе три вопроса, и ты должен ответить честно, без фальши, лести и страха: что есть великое Дао Поднебесной? Что есть корень управления государством? И что есть благополучие простого народа?

Стоило ему произнести это, как горный ветер на вершине внезапно стих, облака замерли, словно сама вселенная затаила дыхание в ожидании ответа.

Лицо Цзян Цзыя оставалось почтительным и сосредоточенным. Он закрыл глаза и на мгновение ушел в себя, приводя в порядок накопленные знания, увиденное в мире и горести людей. Когда он снова открыл глаза, его взгляд был чист и непреклонен. Четко, чеканно и искренне, слово за словом, он произнес ответ:

- Отвечаю учителю. Великое Дао не кроется в пустоте или на сказочных горах — оно в добродетели правителя, в радости и покое сердец простого народа, в порядке небес и земли, в милосердии ко всему живому. Обладает правитель добродетелью — и Поднебесная следует за ним; милосердны небо и земля — и рождается всё сущее. Вот что есть великое Дао Поднебесной.

Корень управления государством не в силе войска и не в богатстве казны, а в обретении сердец народа. Облегчение налогов и повинностей, дабы дать людям отдых; ясные награды и наказания без потакания личным интересам; честные чиновники, не притесняющие народ; справедливые законы, не причиняющие вреда праведникам. Если сердца людей обращены к власти, то династия будет процветать вечно — в этом корень управления государством.

Благополучие простого народа не в богатстве и не в власти, а в возможности жить в мире и трудиться, имея поле для обработки, еду для насыщения и одежду для тепла; в отсутствии бедствий и войн, вдали от тирании и угнетения сильными мира сего; когда о стариках заботятся, молодежь обучают, больных лечат, а умерших достойно хоронят. Когда люди счастливы, не ведают скорби и страданий — это и есть благополучие простого народа.

Три вопроса и три ответа, лаконичные и бьющие в самую суть, соответствовали небесному Дао, следовали чаяниям народа и проясняли суть порядка и смуты. В них сочетались юношеская искренность и кругозор мудреца, без единого пустого слова или лживой фразы.

Выслушав это, старый отшельник резко поднялся на ноги. Его метелка затрепетала, в глазах вспыхнул ослепительный блеск, а лицо исказилось от глубочайшего потрясения и волнения, и он долго не мог вымолвить ни слова.

Прожив в уединении на Суншане целое столетие и повидав бесчисленное множество людей — князей, вельмож, талантов, мудрецов, магов и чародеев, — он никогда еще не встречал столь юного создания с подобным глубоким видением, чистым милосердным сердцем и великим

талантом государственного деятеля. Каждое сказанное им слово соответствовало законам неба и человеческой морали, указывая на корень болезней смутного времени и праведный путь к миру. Это был не обычный книжный мальчик, а дарованный небесами чудо-человек, несущий на себе Небесную Волю и предназначенный умиротворить Поднебесную!

Старец быстрым шагом подошел к Цзян Цзыя, который все еще стоял в поклоне, и лично поднял его. Его тон изменился: исчезла отшельническая холодность, уступив место взволнованности и торжественности:

– Хороший мальчик! Какой прекрасный мальчик! Старик провел в уединении век, ожидая человека, отмеченного Небесной Волей, и наконец дождался! Пусть ты мал годами, но сердце твое объемлет Поднебесную, твой разум прозревает прошлое и будущее, твое сердце Дао чисто и милосердно, а кости поразительны — ты истинный гений, посланный небесами спасти смутный мир! Я желаю принять тебя в личные ученики последней ступени, передать все свои знания, накопленные за столетие, и всю высшую мудрость, чтобы в будущем ты помог светлому государю усмирить Поднебесную и принести благо народу!

Цзян Цзыя поклонился:

– Учитель — высокий человек, превосходящий мирские узы, а ученик груб и невежественен, боюсь осквернить порог вашего дома и не смею замахиваться столь высоко.

Старец громко рассмеялся:

– У Дао нет различий, любой стремящийся к нему достоин стать учеником. Твое сердце праведно, кости уникальны, а устремления высоки — ты как раз достоин быть моим учеником. Неужели ты не хочешь?

Цзян Цзыя поспешно опустился на колени:

– Ученик страстно желает этого! Я, Цзян Цзыя, желаю принять учителя, день и ночь служить ему, усердно постигать науку, чтобы не посрамить наставлений учителя и оправдать надежды простого народа!

Старец лично поднял его, нежно коснувшись шрамов на его голове, переполненный жалостью и надеждами:

– Вставай. С сегодняшнего дня ты мой единственный прямой ученик, и это место станет твоей обителью для постижения Дао. Больше не придется спускаться с гор в мирские тяготы, терпеть голод и холод — я буду наставлять тебя день за днем, пока ты не овладеешь наукой и не выйдешь в мир.

Цзян Цзыя снова поклонился:

- Ученик подчиняется приказу и благодарит учителя за великую милость.

Старец мягко произнес:

- Раз мы теперь учитель и ученик, к чему эти церемонии? Зори меня просто учителем.

С той поры Цзян Цзыя поселился на вершине Суншаня в хижине рядом со старым отшельником и принялся за усердные дневные и ночные занятия без малейшего отдыха.

Добавьте в избранное, чтобы в любой момент продолжить чтение новеллы «Первый великий учитель на все времена Цзян Цзыя».

Старец оказался древним отшельником, достигшим Дао, его даосское имя было Сюань Вэйцзы. Он постиг инь и ян неба и земли, горные жилы-драконы, секреты истории и многоликость человеческих сердец. Обладая величайшим мастерством, теперь он без утайки передавал все свои знания ученику.

Днем Сюань Вэйцзы сидел за синим каменным столом, с метелкой в руке, и терпеливо обучал его слово за словом, разбирая всё: от великого Дао до мирских интриг, от фэн-шуй и географии до военного искусства и расстановки войск:

- Цзян Цзыя, запомни: искусство чтения знамений ци позволяет узреть процветание или упадок государства, взлет и падение семьи, удачу или беду отдельного человека. Императоры обладают фиолетовой ци, мудрые министры — зеленой, подлецы — мутной, смутное время — зловещей, а мирное — гармоничной ци. Ты должен день и ночь наблюдать за звездами и ци, досконально изучая перемены небесных энергий, чтобы в будущем постигать волю неба, различать удачу и беду и держать в руках равновесие.

Цзян Цзыя почтительно слушал, занося записи на бамбуковые планки:

- Учитель, ци бывает чистой и мутной, светлой и темной. Я наблюдал селения у подножия гор — там повсюду царит скорбная и зловещая ци. Неужели государство катится к смуте?

Сюань Вэйцзы вздохнул:

- Именно так. Ди Чжоу из Шан не ведает закона, его жестокость достигла небес, а ци государства иссякла, и это копилось не один день. Изучая знамения ци, сначала наблюдай за народом, а затем за династией — только так узришь корень.

- Ученик запомнит.

- Искусство чтения по лицу требует всматриваться в кости, глаза, дух, ци и походку. У

человека с чистым сердцем и дух прозрачен, у злодея дух мутен; у целеустремленного взгляд тверд, у потерянного — рассеян; у милосердного ци гармонична, у жестокого — бурна. В будущем, когда станешь помогать светлому государю, отбирать полководцев и министров, различать верных и лживых, всё это будет держаться на данном искусстве, и здесь нельзя ошибиться ни на йоту.

Цзян Цзыя спросил:

– Учитель, в мире немало людей с благообразными лицами, но черными сердцами, или же с суровыми лицами, но доброй душой. Как же искусство чтения по лицу различает истину?

Сюань Вэйцзы погладил бороду:

– Лицо кроется в костях, а не в коже; дух — в сердце, а не в облике. Суди о духе по делам, а не по словам, и по поступкам, а не по выражению лица, тогда и не ошибешься.

– Ученик внимает вашим словам.

– Поиск драконьих жил, точек точек и фэн-шуй — это основа географии гор и рек, на которой держится великая стратегия Поднебесной. Выбор места для столицы, расположение лагерей, возведение городов и хранение зерна — всё это требует соответствия жилам-драконам и фэн-шуй, укрытия ветра и скопления ци, дабы укрепить корни государства, поднять боевой дух армии и успокоить народ. Пойдешь против драконьих жил — неизбежно навлечешь бедствия, государство падет, и народ взбунтуется.

Цзян Цзыя поклонился:

– Учитель, я хочу исходить с вами все горы, чтобы накрепко запомнить изгибы драконьих жил и не допустить ни единой оплошности.

Сюань Вэйцзы кивнул:

– Прекрасно. Завтра же с утра я поведу тебя осматривать девять жил Суншаня, обучу распознавать драконов, отыскивать их и закреплять точки.

Сюань Вэйцзы слегка кивнул и перешел к обучению военному строю, стратегии и тактике:

– Походы и сражения выигрываются не числом солдат, а талантом полководца, знанием местности и временем. Знание рельефа местности позволяет устраивать засады, прорывать окружение, держать оборону или наносить внезапные удары; понимание настроений людей помогает разрушать вражеские ряды, успокаивать пленных и укреплять боевой дух; умение подгадать момент позволяет использовать ветер, дождь, холод, жару, облака и туман, побеждая сильного слабостью, а превосходящего числом — меньшим. Война в смутные

времена ведется не ради убийств, а ради прекращения кровопролития, и ты должен помнить об этом в сердце.

Цзян Цзыя с суровым видом ответил:

– Учитель, если вести войну ради захвата власти и выгоды, чем мы тогда отличаемся от тирана Шана? Мои походы будут лишь ради спасения людей и прекращения войн, но во имя личных амбиций.

В глазах Сюань Вэйцзы мелькнуло еще большее одобрение:

– Имея такие помыслы, ты можешь стать полководцем Поднебесной. Запомни: побеждать во всех битвах хуже, чем вообще не воевать; брать любые крепости хуже, чем принести мир народу.

– Ученик запечатлел это в сердце.

Ночью, когда небо усыпали звезды, Сюань Вэйцзы вывел Цзян Цзыя на вершину горы, указывая на созвездия и обучая искусству астрономии, предсказания судеб и гадания:

– Звезды на небе соответствуют порядку и смутам в мире, императорам, полководцам, бедствиям и благополучию. Если тускнеет Звезда Цзывэй — правитель глуп; если сияют звезды полководцев — рождаются мудрые министры; если на небе пролетают демонические звезды — Поднебесная погружается в хаос; если ярка звезда литературы — наступает мир. Ты должен день и ночь наблюдать за звездами, гадать на стеблях тысячелистника, досконально изучать траектории светил и перемены Небесной Воли, дабы в будущем действовать в согласии с небесами и людьми и совершить великое дело.

Цзян Цзыя, глядя на звездную реку, тихо спросил:

– Учитель, где нынче сияет звезда светлого государя?

Сюань Вэйцзы указал на запад:

– В Сици слышен крик феникса, постепенно нарождается фиолетовая ци, но время еще не пришло, нужно затаиться.

Цзян Цзыя сложил руки в приветствии:

– Ученик будет день и ночь вести расчеты, ожидая наступления нужного часа.

Помимо этого, старец обучал его искусству постижения человеческих сердец, стратегии поведения в мире, сокрытию амбиций и клинка, умению переносить удары судьбы и приспосабливаться к обстоятельствам, наставляя, как выживать в смутные времена, помогать истинным правителям и успокаивать народ:

- Цзян Цзя, ты несешь на себе Небесную Волю и предназначен совершить великие дела, но смутное время полно опасностей, вокруг процветают подлецы, а тираны правят бал. Нельзя идти напролом — нужно уметь прятать клинок, держаться в тени и выжидать момент. Обладать талантами и не кичиться ими, иметь добродетель и не выставлять ее напоказ, быть мудрым и не светиться этим, ожидая нужного часа и встречи со светлым государем, чтобы взмыть в небеса и принести мир Поднебесной.

Цзян Цзя озадаченно спросил:

- Учитель, можно ли совместить утаивание клинка и милосердие?

Сюань Вэйцзы ответил:

- Снаружи скрывай клинок, внутри храни милосердие. Будь мягким снаружи и твердым внутри, круглым снаружи и квадратным внутри — только так сможешь выжить в смутные времена и спасти как можно больше людей.

Цзян Цзя почтительно отозвался:

- Ученик понял: снаружи скрывать, внутри оберегать и не терять истинного сердца.

В свободное время горные жители порой поднимались на гору, неся дрова и овощи. Видя, как вежлив и мягок Цзян Цзя, они все тянулись к нему.

Одна крестьянка протянула ему просяную лепешку:

- Маленький учитель, возьми лепешку, на горе жить тяжело, не мори себя голодом.

Цзян Цзя почтительно поблагодарил:

- Благодарю вас, бабушка. За мной присматривает учитель, так что не переживайте.

Женщина улыбнулась:

- Твой учитель — бессмертный, да и ты сам маленькое бессмертное дитя, в будущем непременно защитишь нашу деревню и принесешь нам мир.

Цзян Цзыя мягко произнес:

– Ученик сделает всё возможное. Пусть же мир будет у всех.

<http://bllate.org/book/19338/1890988>